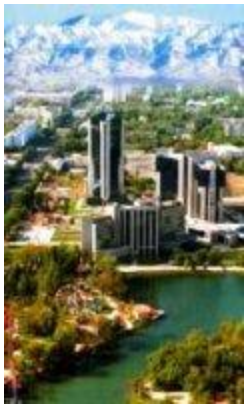
ПУТЕШЕСТВИЕ ВДОЛЬ КАНАЛА САЛАР

Когда-то он протекал, как река. Чтобы переплыть с одного берега на другой, надо было хорошо помахать руками. О тех легендарных временах помнят старики. Остальные ташкентцы привыкли видеть городской канал иным — засоренным и далеко не многоводным.
«Зеркало-XXI», 2004г.
*«Просто пишем о среде», 2005г.***от чистого истока до мутного далека**



Когда-то он протекал, как река. Чтобы переплыть с одного берега на другой, надо было хорошо помахать руками. О тех легендарных временах помнят старики. Остальные ташкентцы привыкли видеть городской канал иным — засоренным и далеко не многоводным.
У истока

Он начинается примерно в трех километрах от ташкентской кольцевой дороги, в поселке СаларГЭС, где от полноводного русла Бозсу ответвляется небольшой рукав. Вода в него практически не попадает, так как перегорожен плотной земляной насыпью. За ней высится железный шлюз, наглухо закрытый. Но из-под шлюза просачивается тонкая струйка воды. Это и есть исток Салара. Вначале он ручеек. Глубина его чуть больше спичечного коробка. Таким маленьким, почти незаметным он и течет первые несколько сот метров, скрываясь из виду меж теснящихся частных домов. Пешеходу здесь не пробраться, приходится обходить.
Дорога идет вдоль сияющей на солнце поверхности канала Бозсу. Какой контраст между этой массой лазурной воды и жалкой бесцветной протокой Салара. Берега Бозсу — место престижное, что подтверждается огромным количеством двухэтажных особняков. Большинство домов только сооружается. Практически каждый имеет выход на берег,

превращенный в частный пляж. Иные любители роскоши устроили площадки для купания. С такой площадки можно прыгать в воду, а можно просто сидеть на ней с пиалой чая, размышляя о бренности бытия.

Впрочем, незанятые участки берега еще остались. Они довольно плотно усыпаны телами загорающих. Однако, если «приватизация» продолжится, через несколько лет берег полностью застроят. Разумеется, ни о какой водоохранной полосе нет и речи, ведь соблюдение экологических норм прибыли не приносит, иное дело — торговля земельными участками… Строящиеся на берегу Бозсу здания — не просто жилье. Это обиталища современных буржуев. Стены отделаны дорогими материалами, окна забраны стальными решетками, почти на каждой крыше торчит «параболка», а вокруг усадьбы — обязательный бетонный забор. Берега же Салара, расположенные в сотне метров отсюда, желания селиться у богачей не вызывают — большие дома здесь единичны. Отношение их хозяев к каналу сугубо практическое. Вот, например, стоит крепкое строение, обнесенное трехметровыми стенами. Прямо в Салар из него выходит труба, из которой течет что-то вязкое. Комментарии, как говорится, излишни.

Водный поток продолжает свой путь, с одной стороны ограниченный задворками невзрачных домишек, с другой — длинным бетонным забором, отделяющим его от полей. Берега канала поросли камышом, по которым неспешно гуляют коровы. Улавливаю характерный шум водопада. Выясняется, что его издает поток воды, исторгающийся из довольно толстой трубы. Поскольку объем прибывающей жидкости не меньше, чем все содержимое канала, общее количество воды в канале удваивается. Далее берег покрывают большие мусорные свалки. И уже в километре от истока руки в водице лучше не мыть.

А в целом здесь достаточно славно. Зеленеет трава. На ней пасутся лошадки. Двое ханурикov, отдыхающих на лоне природы, миролюбиво обсуждают, поспел ли тутовник. Идиллия. Но вот бетонный забор заканчивается. Встречный прохожий разъясняет, что поля, расположенные за ним, относятся к сельхозинституту. Стоки с полей сливаются в Салар. Впрочем, на некоторых обитателей канала сей факт особенного влияния не оказывает: окрестности оглашает мощный хор лягушек.

Возле небольшого мостика взгляд натыкается на скопление пластмассовых баклажек, которые сгрудились в кучу у водного препятствия. Их множество — десятки, сотни. Сколько таких куч я встречу дальше! Метров за триста от «бетонки» берега принимают более-менее благообразный вид — начинается бетонная облицовка. На «бетонном» участке я с удивлением обнаруживаю несколько диких уток — они беспечно плещутся в канале, но, увидев человека, мгновенно прячутся в маленьком камышовом островке. Что до облицовки, то она ради показухи: как только канал перестает быть виден с дороги, панели исчезают, и берега сразу становятся глинистыми и убогими. Трех километров вполне хватает, чтобы понять: Салар выполняет роль сточной канавы. На этом отрезке пути его объем увеличился в несколько раз.

Тут бегали лисы

Преодолев кольцевую дорогу, вступаю в границы города. Солнце уже поднялось достаточно высоко и жарит вовсю. Еще немного и мозги начнут закипать. А ведь день только начинается. На правом берегу экскаватор зачем-то набирает землю и ссыпает ее в кучу. Цель этих действий так и осталась для меня загадкой. А чуть дальше я увидел, как какой-то очень грязный человек решительно разделся и вошел в воду. «Постой, безумный, — хотел сказать ему. — Подумай о своих родных, о детях. Уж не хочешь ли ты осиротить их»? Но чумазый жестом фокусника достал кусок мыла и моментально намылил голову. Поздно читать ему лекцию о вреде пребывания в потоке.



Несмотря на то, что теперь Салар протекает по городской территории, его облик почти не изменился. Скоплений мусора, выходящих прямо в воду, меньше не стало. Изучая, как их содержание обогащает воду канала, я добрался до территории автопарка, точнее, «автоколонны 25/15». В тени деревьев коротала время компания шоферов. Узнав, зачем я пришел, водители стали возмущаться тем, что разорена их зона отдыха. То ли районные, то ли городские власти решили выпрямить ложе канала, перенеся его на десяток метров в сторону. То есть именно туда, где находилась зеленая зона. Там стояли десятки скамеек, столов, беседки. Все было снесено. На этом «перестройка» и завершилась.

— Записывай! — яростно кричал мне водитель, вызвавшийся показать разрушения, нанесенные необдуманным решением начальства. — Здесь был такой парк! А теперь все разломали, разбомбили. Яблони, урючины, сливы срубили. Сейчас ничего не сажают: посадишь, а они придут, сломают. — Продолжая изливать гнев, он довел меня до лимонария, тоже попадавшего под снос, но в последний миг избегшего этой участи, а также теплиц, где выращивали зелень. По его словам, раньше каждому водителю на Новый год бесплатно выдавали килограмм лимонов. А теперь нет. Еще закрыты лепешечный цех и автомойка. Последняя располагалась в двух-трех метрах от Салара, куда и стекала грязная вода. Мои предположения о том, что мойку закрыли не безосновательно, водитель категорически отверг.

— Какая грязь? Все здесь оставалось. А в канал чистая вода текла.

Я выразил сочувствие по поводу произведенных бесчинств, но насчет мойки не согласился — правильно, мол, сделали, что ее закрыли. Провожатый бросил на меня испепеляющий взгляд, как на предателя, и, буркнув что-то под нос, повернул назад.

На протяжении следующей пары километров канал ничем не запоминается. Кроме того, что часто сворачивает в сторону, временами уходит под асфальт, и снова выбирается наружу. Это район рабочей окраины — тихих улочек, небольших домов, перед которыми растут яблони и вишни. Берега Салара тоже обросли деревьями, камышом, ежевикой. Иногда попадаются трубы с неизвестными стоками. Но в целом ничего примечательного я здесь не встретил, не считая двух пьяных, погрузившихся в воду до пояса, видимо, спасаясь от жары. В обездвиженных позах, периодически издавая непечатные реплики, они и пребывали на протяжении всего времени, что я проходил мимо.

Наконец канал выводит меня к задней части Ташкентского кабельного завода. Типичная картина: местный житель гонит два десятка баранов. Обогнав их, сворачиваю в сторону. Глупые животные, видимо, приняв меня за своего вожака, поворачивают следом, пока взбешенный пастырь пинками и криками не возвращает их на путь истинный.

Перехожу канал по толстой трубе, и по узкой дорожке иду вдоль русла. Мы с Саларом оказываемся зажаты меж двух стен — кабельного завода и Ботанического сада. В середине лишь сама речка да ряд ветхих домиков, огородами выходящих к воде. Если воды прибавится, то часть их обязательно затопит. Глядя на кроны Ботанического, мне вспомнился недавний разговор с одним из его сотрудников, который утверждал, что еще

несколько лет назад в саду было полно лис. Он объяснил, что лисы спокойно доходили сюда по течению Салара, скрываясь в кустах от посторонних глаз.
Наконец нескончаемая стена кабельного завода обрывается, и водный поток снова выходит на открытое пространство. Перед автомобильно-железнодорожным мостом содержимое канала точнейшим образом вливается в аккуратный бетонный желоб. Сразу за мостом находится несколько многоэтажных домов. Салар здесь протекает, с точки зрения местной детворы, просто идеально — прямо во дворе, под окнами одной из пятиэтажек. Пацаны с великой радостью предаются водным процедурам. Поскольку воды в канале уже довольно много, отважные ныряльщики прыгают в него прямо с бортика, вздымая кучу брызг, и рискуя разбить голову о бетонное дно.

Тупики

Закованное в панцирь русло нацеливается влево, обходя следующую группу многоэтажек стороной. Впрочем, эти дома почти сразу заканчиваются, и впереди вновь видны жилища так называемого частного сектора. Но это уже не те обветшалые хибары, что попадались до этого. Здесь правый берег Салара застраивается огромными двухэтажными особняками. Один из них достигал таких размеров, что я решил, было, что это здание какого-нибудь посольства. Но кативший тачку разнорабочий весело сообщил, что нет, это частный дом. А чуть поодаль возводился еще один «замок» из кирпича и бетона.
Бытовые условия, в которых трудятся наемные рабочие, тут самые непритязательные. На правом берегу Салара, отделенный от воды лишь бортиком, стоит одинокий сортир, собранный из листов ржавого железа. На всю округу от него распространяется несусветная вонь. Метров через пятьдесят виднеется еще один, а за ним — еще. По этим «зданиям» легко подсчитать количество прибрежных новостроек. Огромный пустырь на другом берегу канала целиком превращен в свалку строительных отходов. В этом месте бетонный желоб обрывается, и ложе вновь становится земляным. Дорога вдоль канала исчезает, а сам он ужимается, втискивается между какими-то строениями и устремляется в сторону стадиона «Старт», ныне переименованного в «НБУ». Вдоль берега нет ни дорожки, ни тропинки, поэтому приходится обходить этот участок стороной, ожидая, когда вновь возникнет убежавшее течение.
Оно возникает под мостом, по которому проносятся поезда метро на открытом участке между станциями Хамида Алимджана и Пушкинская. Спускаюсь под мост, и первое, что обнаруживаю — трубу, под напором сбрасывающую в канал сточную воду. Хотя в этом месте, как и возле каждого моста, берег Салара облицован бетоном, чистили его, видимо, давно, поскольку он основательно зарос. Здесь канал похож на настоящую реку — его ширина составляет метров шесть.
Иду налево, в сторону стадиона. Через полсотни метров бетонная облицовка, как водится, исчезает, а русло вновь оказывается сжатым одноэтажными строениями. Из-под одного из них в воду отведен капитальный забетонированный арык. Что по нему вытекает — Бог весть. Вскоре я упираюсь в настоящие джунгли, образованные непроходимыми переплетениями деревьев, камыша и ежевики. Над водой трассируют синие стрекозы. Приходится продираться сквозь камышовую чащу, раздвигая ее руками. Пространство с моей стороны ограничивается глухой стеной стадиона, справа — каналом. Наклонив голову, втискиваюсь в узкий, невесть кем протоптанный коридор в зеленых дебрях. Стебли камыша здесь вымахали в высоту метра на четыре. Растут себе спокойно, покачивают метелками. Как жаль, что у меня нет мачете!
От воды немного попахивает. Противоположный берег заставлен какими-то обветшалыми хижинами. От потопа их отделяют какие-то тридцать-сорок сантиметров. Но вот тропинка упирается в непреодолимое препятствие. Река перегорожена железной балкой с

натянутой сверху сеткой. Здесь водный поток выбирается с территории стадиона «НБУ». Ограждение установили, видимо, как защиту от безбилетников. Идти назад через заросли мне не хочется, поэтому осторожно перелезаю по балке на другой берег в поисках выхода. Однако его нет. Стучусь в калитку выходящего на берег дома, но ее не открывают. Чувствую себя обманутым. Но делать нечего, приходится выбираться той же дорогой.

Маринка любит чистоту

Возвратясь к цивилизации, отряхиваю с себя листья и бодро пересекаю мост, что на улице Пушкина. На другой стороне дороги делаю вынужденную покупку — две баклажки холодной воды. Одну почти всю выпиваю, а остатки выливаю на голову, вторую тащу с собой. Не из Салара же пить… Немного придя в себя, осматриваюсь по сторонам. За левым берегом канала — военное училище, правый берег плотно застроен многоэтажками.

В этих местах Салар почему-то кажется грустным и заброшенным. Он как бы упрекает людей: «Смотрите, какие ухоженные ваши дворы. А про меня совсем забыли…» Берега канала тут напоминают тугаи — так сильно они заросли. И это несмотря на то, что находятся в десятке метров от домов, можно сказать, почти под окнами. Но мне нравится этот кусочек природы. Например, то, как он выглядит возле НПО «Технолог»: крутые обрывистые берега, покрытые деревьями и камышом, и река, вновь уходящая в неизвестность.

Перед обособленно стоящим девятиэтажным домом — несколько десятков гаражей. Подменный дежурный гаражного городка Михаил отозвался о чистоте протекающего рядом с гаражами Салара следующим образом:



— Водопроводных кранов здесь нет, поэтому, чтобы протереть машину, мы берем воду из канала. Ну, тряпочку намочить. Но иногда где-то сверху происходит сброс — и вода идет коричневая. Наверное, это лакокрасочный завод воду спускает. Последний раз такое было недели две-три назад. Тут рыбаки вот такую маринку ловят (разводит руки почти на полметра), а она ведь чистую воду любит. Сосед пошел протереть машину: «Уй, — говорит, — грязная».

— Неужели, действительно, такая большая рыба водится? — спрашиваю.

— Я сам ловил маринку в сорок один сантиметр. А после последнего сброса ничего нет. Вообще непрозрачная вода идет. И запах от нее такой…

— Да, — присоединяется к разговору второй дежурный, — ребята посидели, винчик попили и все, ничего не поймали.

Любовь слепа

В очередной раз Салар появляется на свет божий из-под железной перегородки, что отделяет парк Тельмана, позднее переименованный в парк Боги Эрам, а затем — в парк Мирзо Улугбека, от улицы богатых домов. Канал вплотную приближается к одному из

корпусов Ташкентского мединститута. Я не поленился и посмотрел, что там. Зрелище не для слабонервных: к воде спускалась огромная куча выброшенного медицинского мусора — шприцов, банок, ваты, флаконов и так далее. Видимо, месяцами и годами санитарки ленились донести отходы до мусорных ящиков и бросали вниз, надеясь, что течение все унесет.

Парк пополняет протекающий по его территории Салар сливами из четырех труб и пары ручейков. Впрочем, они достаточно чистые: поступают из детских бассейнов, разбавляя, таким образом, не слишком чистое содержимое канала. На границе парка водоток уходит под землю, проходит под двумя дорожными полосами Малой кольцевой, каждая из которых в ширину достигает тридцати метров, и выбирается на свободу возле рукотворного озера, появившегося на месте бывшего зоопарка.

Это озеро — поистине райский уголок, сулящий спасение от нестерпимой жары. Его берега отделаны камнем и снабжены многочисленными лестницами, услужливо ведущими в воду. Вокруг разбиты газоны, оснащенные распылителями. Мимо, по трассе, проносятся автомобили. А впереди поднимается величественное здание костела, с ярко горящими на солнце медными крестами. Вокруг озера слоняются сотни, если не тысячи людей. Посреди него островок, на который ведет горбатый мостик, облепленный гроздьями купальщиков. Для полного счастья не хватает самой малости — туалетов. Хотя бы одного. А так — совершенный рай.

Мое внимание привлекает парочка, медленно покачивающаяся на надувном баллоне. Двое молча смотрят друг на друга, почти не шевелятся. Пребывают в любовном томлении, так сказать. Романтическое зрелище. Подобную сцену можно было бы использовать в кино. Хотя, вроде что-то такое уже было. Салар, протекающий в пяти метрах от озера, заключен в добротный бетонный желоб и снабжен изящной металлической оградкой.

Кстати, куда бы вы думали, сбрасывается вода из этого озера? Правильно, именно туда. А вот еще один сток — на этот раз труба идет со стороны мединститута. Наконец дохожу до костела. Это самый известный в Ташкенте долгострой: его начали возводить в 1913 году, затем строительство бросили и довели до конца лишь несколько лет назад. Возле костела неожиданно возникают горы срезанной экскаватором земли, куски взломанного асфальта. Рядом валяются вывернутые из земли бетонные глыбы. Результат этого строительства — новенькое бетонное обрамление канала.

Под храмовой стеной расхаживает рыболов. Примеряется, как лучше закинуть удочку. Но он с другой стороны канала, а кричать мне не хочется. Поэтому я просто разглядываю бетонный желоб. Его ширина — метров пять. Высота до края борта, пожалуй, метра два с половиной. А водою он наполнен максимум на метр. Несколько сот метров от костела, и Салар снова уходит под землю, устремляясь в три тоннеля, заставленных решетками. Тут снова грандиозное скопище палок, досок и баклажек (непотопляемое изобретение). Но, видно, что время от времени их кто-то убирает, иначе их было бы гораздо больше.

Разыскивая место, где течение снова вылезает наверх, иду по трассе вдоль длиннейшей стены винзавода. Асфальт на дороге идеальный. Это образцово-показательная дорога — повсюду клумбы с цветами, висят яркие плакаты, расставлены доблестные менты. Однако объяснить мне, где река вылезает наружу, они не в состоянии: они откуда-то из области, и ничего тут не знают. Пытаюсь выяснить это у прохожих, но этого не знают и они. По крайней мере, те, что попадаются навстречу.
Неподалеку от проходной винзавода — скопление алкашей. К слову, примерно к середине своего маршрута я обнаружил, что они принимают меня за своего. Когда я, с всклокоченными волосами и обгоревшим лицом, случайно встречался взглядом с очередным выпивалой, в его глазах появлялся немой вопрос: «Ну что, может, скинемся?» Так что мое появление вызвало шевеление в рядах постоянной тусовки. Но я лишь разузнал, где, и поспешил удалиться. Салар — за перекрестком.
Берега и русло густо покрывает камыш, и на удивление много рыбаков — и взрослых, и стариков, и детей. Ловят на хлеб, на красный тутовник. Что ж, азарту все возрасты покорны. На другой стороне реки размещается музей железнодорожной техники — старинные паровозы, тепловозы и прочие исторические агрегаты. А возле моста, по которому со стороны вокзала проходит трамвай, в канал выходит труба, из которой с мощью Ниагарского водопада извергается толстая струя.
Когда-то я читал книжку «Орлята Октября». В ней описывалось, как перед революцией хорошие пролетарские ребята разбрасывали листовки, дрались с плохими гимназистами, и так далее. События книги разворачивались в районе Салара, а главный герой именовался «атаман саларских мальчишек». Реку они преодолевали вплавь, причем вода была холодная и прозрачная. На ней даже был остров, где они прятали украденные винтовки. Судя по описаниям, все это происходило примерно здесь — недалеко от вокзала и музея паровозов.
Ташкентцы на берегах канала предпочитают находиться, как я заметил, в облегченном варианте одежды: в шортах. Признали все-таки! А ведь не так давно эта часть гардероба у нас воспринималась не иначе, как подрыв устоев и моральная диверсия. С тех пор прошло немного времени. Как же все изменилось! Наверное, вот так же пробивали себе дорогу шампунь, мыло, джинсы и другие полезные вещи. Кстати, насчет джинсов. Весь день передо мной мельтешили ноги и зады, плотно ими обтянутые, пока у меня в голове не вызрело четкое психологическое наблюдение — если впереди идет женщина в юбке, то при взгляде на нее на ум приходит слово «стан». А если в обтягивающих джинсах, то слово «ж…».

Буруны за Тезиковкой

У Госпитального базара в Салар втекает вода подземного канала-клоаки Чаули, в который поступают сбросы с метрополитена. Деревья, торчащие из расселин облицовки, вымахали довольно большие. А слева тянется новая широкая трасса.
Вдоль трассы на протяжении многих километров тянется декоративный бетонный забор,

ограждающий людей от созерцания неприглядных халуп. Салар течет сразу за забором. Сквозь щели видно, что некоторые дворы находятся почти вровень с поверхностью воды. Кое-где даже ниже этого уровня. От неизбежного затопления их спасают лишь самодельные дамбы-насыпи. Как мне говорили в Ташкентском городском комитете по охране природы, угроза затопления большого числа частных домов — главная причина, по которой нельзя промыть русло. Чтобы отселить жителей, надо дать им новое полноценное жилье, но на это нужны средства.

Я добираюсь до Тезиковки, некогда самой известной толкучки в Средней Азии. О ней уважительно отзывался даже Солженицын в своем романе «В круге первом». Но сегодня все, что от нее осталось — двухэтажное здание с колоннами и надписью «Хаммом-баня», да винный магазин. Бывшие торговые площади поросли бурьяном. Тезиковку нынче не узнать.

— Неужели это и есть Тезиковка? — на всякий случай спрашиваю встречного.

— Она самая, — подтверждает тот.

В этом районе улочки буквально утопают в зелени. Через заборы домов свешиваются молодые побеги винограда, алеют гроздья вишен, прямо на асфальт роняет созревшие плоды тутовник. И повсюду играют дети. Это их мирок. Салар, наверно, представляется им большой полноводной рекой. Приглядываюсь: а он уже и есть такой! Быстрое течение, пенящиеся буруны. Камыши тут настолько разрослись, что образуют совершенно непреодолимую трехметровую стену, причем заполнили собой полреки. Это самые заросшие места на всем протяжении канала. В зарослях все время раздаются грубые крики каких-то птиц. Орет целый хор. По-видимому, у них вечерняя перекличка.

По набережной, вдоль сплошной стены камыша, совершают променад жители окрестных домов. Перехожу еще одну дорогу (сколько же их было за день!) и вижу забавную картину: айван, установленный прямо на середине потока. На нем наличествует полный антураж сладкой жизни — ковер, ваза с бананами и целая батарея бутылок. Компания пирующих, человек восемь молодых парней, горделиво поглядывает по сторонам. Извечная восточная мечта о прохладном месте, где во время зноя можно спокойно кайфовать, наконец-то воплотилась в действительность. Не хватает лишь гурий.

Обследуя закоулки и изгибы речки, внезапно натыкаюсь на тщательно замаскированные, сочные кусты конопли, любовно высаженные неизвестным «агрономом». Где именно, не скажу: зачем портить человеку праздник. Но вот наступает момент заката. Зажигаются фары проносящихся авто. Я выхожу к какому-то железнодорожному мосту, где до этого никогда не был. Под ним плавно поворачивается круг чигиря, черпая воду канала. Слева пруд, из которого раздается самозабвенное кваканье. Как сказал поэт Гумеров: лягушки поют о любви на своем языке.

Это уже вкрапление села в город. На берег выходят глинобитные мазанки, возле которых разгуливают куры, гуси, индюки. И тут у домов самодельные дамбы, в два-три ряда укладываются шины, и засыпаются землей. В одном дворе земля совсем свежая — ее не успели даже разровнять. Наступает темнота. В воздухе отчетливо ощущается запах махры. Дорогу освещают лишь огни в огородах — своеобразные путеводные звезды. Слышится музыка. Вскоре я выхожу к Южному вокзалу.

В конце маршрута

Утром я снова здесь, далее находится Саларская станция аэрации. Аэрация — это обогащение воды кислородом. Именно так, по названию процесса, красиво именуется станция очистки сточных вод и канализации, куда подается вода примерно с половины Ташкента.



— Руки помыл, в туалет сходил, воду смыл: это все сюда поступает, — поясняет главный инженер. Саларская станция в Ташкенте не единственная, есть еще две такие станции — Бозсуйская и Бектемирская. Но эта — самая большая. По словам главного инженера, проектная мощность Саларской станции аэрации — очистка миллиона кубов воды в сутки. А в данный момент поступает 720-750 тысяч кубометров. «Ее открыли в исторический день — 12 апреля 1961 года, когда Гагарин полетел в космос».

Из-под земли выходят четыре толстые трубы метрового диаметра. В цехе механической очистки от жидкости отделяются твердые частицы. Вода проходит сквозь несколько решеток и по распределительным каналам поступает в ряд небольших бассейнов — первичные отстойники. Здесь вода отстаивается полтора часа. Вопреки распространенному мнению, что отходы жизнедеятельности организма якобы не тонут, они именно тонут, образуя так называемый сырой осадок. Его убирают два раза в сутки — в иловую камеру. А жидкость из отстойников подается в аэротенк. Так называется бассейн, куда по специальным трубам подается воздух. Вода бурлит, и в ней бурно размножаются микроорганизмы, поедающие частицы отходов.

После нескольких часов активной биологической очистки жирная, маслянистая жидкость подается во вторичные отстойники. Ил сгребается с помощью специального устройства, а вода отстаивается, тихо переливается через край отстойника и поступает на последнюю стадию очистки. В цехе обеззараживания ее хлорируют гипохлоритом натрия. Считается, что для микроорганизмов он смертелен. На этом процесс очистки завершен. Обеззараженная вода устремляется в жерло трубы, выведенной непосредственно в русло. Общее воздействие станции аэрации таково: каждую секунду к десяти кубометрам водотока прибавляется еще восемь кубометров «очищенной» воды из канализации.

На соседней улочке без труда отыскиваю трубу, выходящую со станции аэрации: она высовывается из-под заплаточного железного забора, вода из трубы бьет с огромным напором, порождая бурлящий водоворот. Над ней склоняет ветви поэтичная ивушка. Через сотню метров от трубы Салар снова теряется. Материализуется возле какого-то холма с вышкой на вершине. Берега опять покрыты разросшимся камышом. Стайка детей лет десяти с воодушевлением плещется в воде. Они кидают в нее кусок пенопласта, затем бросаются на него животом и так проплывают метров сто. Потом достают пенопласт, возвращаются на исходную позицию, и все повторяется снова.

— Дураки, — презрительно отзывается о них стоящий на берегу пацан. — Тут везде туалеты на берегу стоят, а из них проведены канавы прямо в воду.

Вскоре наблюдаю процесс бурного воссоединения Салара с Боз-су. Мощный клокочущий поток врывается, пенится, и все разливается, образуя небольшое озеро — Джун-Саларский вододелитель. На берегу, неподвижно склонясь над удочками, сидят рыболовы. Купаются дети (девочка — в платье). От реки явственно веет прохладой. Цвет ее вновь становится лазурно-зеленым. А через несколько сот метров она разделяется на два рукава. Здесь граница города. Канал течет еще несколько десятков километров, пока

не впадает в Чирчик, пополняя его коктейлем миазмов. Что происходит с водой за городом — отдельная история.

Алексей ВОЛОСЕВИЧ
«Зеркало-XXI», 2004г.
«Просто пишем о среде», 2005г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

31.01.2011